

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

СИМУЛЯКР ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ

Аннотация. В статье рассматривается конкретный пример феноменологии симулякра. Автор статьи обращается к описанию этой истории, которая проанализирована в его книге 1978 г. Однако рассмотрение американского сериала о семье Лаудов, как оказывается, вовсе не является лишь простым увлечением документализмом. Прежняя трактовка этого события, которое воспринималось как общий интерес к архивным источникам, необработанному сырью жизни, заменена в данной статье более глубоким рассмотрением феномена. Автор опирается на концепцию симулякра, которая получила сегодня широкое хождение.

В статье используются материалы журналистской документалистики, проводится психологический анализ «индустрии сознания». Рассматривается факт широкого распространения дневников, мемуаров, черновиков, записных книжек, набросков в массовой культуре. К исследованию проблемы привлекаются работы современных постмодернистов.

Автор анализирует американскую телевизионную серию, посвящённую бытованию семьи Лаудов. Он толкует эту продукцию как симулякр обыденной жизни. В статье показано, что серия ни в коей мере не являлась продукцией житейского документа. Реальное в ней скрыто, декорировано под документ, но не выдерживает законов жанра. Трактовка симулякра даёт возможность показать современные тенденции общественного сознания. Один факт телевизионной продукции оказывается яркой иллюстрацией симулякрации.

Ключевые слова: документ, симулякр, реальность, иллюзия, обыденная жизнь, художественный образ, семейные ценности, фантазмы, культура, галлюцинация.

Abstract. The article is devoted to a particular example of the phenomenology of simulacrum. The author of the article refers to the description of the story that was analyzed in his book of 1978. However, analysis of the American TV show about the Louds is not a mere interest in documentalism. The previous interpretation of the event which was mostly perceived as everyone's interest towards archives is viewed by the author of the article as a more profound phenomenon. The author bases his research on the famous concept of simulacrum. In his research article Gurevich uses journalistic documents and conducts a psychological analysis of the 'industry of consciousness'. He analyzes why diaries, memoirs, drafts, notes and sketches in popular culture. The author has appealed to the works of modern post-modernists. The purpose of his research is to analyze the American TV show about the everyday life of the Loud family. The author views this TV show as the simulacrum of everyday life. The author proves that the TV show is not a product of the document about common life. The real is hidden there and decoded as a document, however, does not fully conform to the rules of the genre. Such interpretation of the simulacrum demonstrates modern trends of social thinking. According to the author, the TV show is a bright example of the process of simulacrumization.

Key words: culture, fantasms, document, simulacrum, reality, illusion, everyday life, artistic image, family values, hallucination.

В 1971 г. в доме калифорнийской супружеской пары Билла и Патриции Лауд были установлены камеры и микрофоны нью-йоркской общественной телестанции. Съёмочная группа, в которую вошли Алан Рэймонд и Сьюзан Рэймонд, провели семь месяцев, снимая ежедневную жизнь этой семьи. Спустя семь лет, ознакомившись с этой серией, я написал о ней в своей книге «Буржуазная пропаганда в поисках теоретического обоснования» [1, с. 132]. Во время съёмки операторы часто спорили с продюсером о том, что можно, а что нельзя включать в серию из отснятого материала. Заказчик полагал, что никаких сокращений не должно быть. Жизнь семьи нужно показать с максимальной правдивостью и дотошностью. Семейные проблемы волнуют мно-

гих людей, а конфликты и обыденная жизнь понятны американцам. Поэтому в течение всего срока «телевизионный глаз» скрупулёзно регистрировал все события, которые происходили в семье.

Казалось бы, что захватывающего и интересного в фиксации житейских подробностей, обыденного существования семьи с типичными мелочами, которые характеризуют отношения родителей и детей? Кого может увлечь документальное протоколирование «чужой жизни»? Никакого предварительного сценария не было. Не могло быть и речи о каких-то специальных игровых трюках, постановочных приёмах. Триста часов прямого вещания шли в эфир как заявка на неоспоримую документальность, некую обыденную правду. Предполагалось, что американская семья предстанет перед

зрителями как образец семейных ценностей. Действительно, показанная через два года 12-часовая телевизионная серия «Американская семья» имела сенсационный успех.

Однако всё оказалось не столь безоблачно. И вовсе не потому, что каждодневная рутина, семейные ссоры и ругань разрушили образ идеальной семьи. сюжетные линии, сложившиеся через показ действительных событий, по существу спонтанно, буквально потрясли американских зрителей.

Неужели столь силён эффект замочной скважины? И верно ли, что документальная летопись жизни всегда сильнее художественной выдумки? Неужели вторжение в чужую жизнь, репортажное наблюдение за повседневностью производит более яркое впечатление, чем художественный образ? Анализируя этот телевизионный эффект, я пытался в своей книге ответить на вопросы: в силу каких причин фотографическая стенограмма способна оказаться более эффектной, чем живописная выдумка? Что вообще заставляет людей делать выбор между хроникой и искусством? [1].

Вопрос о том, действительно ли перед зрителями воспроизведена сама жизнь в её неповторимости, в ту пору не возникал в моём сознании. Лишь спустя десятилетия в постмодернизме сложилась концепция симулякров, которая позволила понять, что сама реальность как раз и есть обманка [2]. Интерес к обыденщине я тогда пытался объяснить рождённой модой на новое зрелище. Зрители привыкли к тому, что телевидение навевает «сны золотые», прельщает галлюцинаторными картинками, разукрашивает реальность щедрыми фантастическими мазками. Они также устали от кровавых сцен в боевиках, позволяющих вытеснить собственные агрессивные импульсы, очароваться рессентиментом с его озлобленностью и иными омерзительными фантазмами. Объективная камера вызвала больший интерес, чем иной спилейновский детектив, ковбойский вестерн, фильм кошмаров, «чёрный комикс» или готический роман. Жизнь врасплох, писал я, как оказалось, обладает не меньшей привлекательностью, чем вымысел.

Кто же мог предвидеть, что «великолепная» семья предстанет в своей безнравственной наготе? Камера «выследила» Лэнса, сына супругов, который оказался гомосексуалистом. Отец Билл собственно не стал пресекать позорную перверсию. А в то время однополая любовь вызывала у многих американцев чувство омерзения. А мать Пэт весьма сочувственно отнеслась к сексуальному отклонению сына. Более того, она даже потребовала во время съёмок развода с мужем

из-за этих «разногласий». Пэт Лауд позже написала книгу о своём участии в сериале. Оказалось, что она поддерживала отношения с продюсером Крейгом Гилбертом, который вообще не скрывал своей гомосексуальной ориентации. Как могла сложиться жизнь этой семьи, если бы не было телекамеры? Неужели присутствие камеры усугубило конфликты? Не будь сериала, Лауды вообще не развелись бы?

На этот вопрос как раз и отвечает Жан Бодрийяр. Он пишет: «Фантазм был бы ещё более захватывающим, если бы Лаудов снимали так, *будто там не было телевидения*. Триумф режиссёров состоял бы в том, чтобы сказать: “Они жили так, будто нас там не было”. Абсурдная, парадоксальная формула – не истинная и не ложная: утопическая. “Так, будто нас там не было” эквивалентно “так, будто вы там были”» [2, с. 43]. Так через этот парадокс французский философ объяснил немислимую популярность серии. Вовсе не вторжение в частную жизнь покорило двадцать миллионов зрителей. «В этом Verite-эксперименте, – продолжает Ж. Бодрийяр, – речь идёт не о тайне, не о перверсии, но о своего рода вибрации реального или эстетике гиперреального, вибрации от головокружительной и фальсифицированной достоверности, вибрации от одновременного отдаления и приближения, от искажения масштаба, от чрезмерной транспарентности» [2, с. 43].

Книга Жана Бодрийяра «Симулякры и симуляции» – последний труд покойного философа. В принципе она посвящена простым очевидностям, которые приобретают особую значимость в свете бодрийяровского переосмысления понятия, которое использовалось уже в античной философии. Понятие симулякра в античности раскрывало разрыв между вещами и образами, которые отдаляются от вещей и оказываются при этом бессодержательной меткой. Эти образы могут выражать различные душевные состояния, разного рода галлюцинаторные очевидности, фантазмы и призраки. «Современные постмодернисты (Ж. Делёз, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, П. Клосовски) обратились к понятию симулякра, чтобы подчеркнуть, что творчество человека – это творчество образов, далёких от подобия вещам и выражающих состояния души человека (надежды, страхи, способы видения и т.п.) и ничего более» [3, с. 543].

Симулякр трактуется в наши дни как образ, утративший подобие с предметом, но сохраняющий при этом эффект схожести. Такая трактовка понятия соответствует современной квантовой парадигме. Согласно этой парадигме, Вселенная заполнена мерцающими смыслами, которые ли-

шены прямых связей. Сама реальность миражна, галлюциаторна. Она свободна от абсолютной адекватности и преломляет действительность в причудливых образах, которые имеют лишь внешнее сходство. Модели реального отчуждены от оригиналов. Ж. Бодрийяр пишет: «Нет больше зеркальности между бытием и его отображением, между реальным и его концептом. Нет больше воображаемой соразмерности: измерением симуляции становится генетическая миниатюризация. Реальное производится на основе миниатюрнейших ячеек матриц и запоминающих устройств, моделей управления и может быть воспроизведено неограниченное количество раз. Оно не обязано быть рациональным, поскольку оно больше не соизмеряется с некоей, идеальной или негативной инстанцией. Оно только операционально. Фактически это больше уже не реальное, поскольку его больше не обволакивает никакое воображаемое» [2, с. 6–7].

Серия «Американская семья» по замыслу претендует на чистый документ. Однако ни в коей мере им не является. Прежде всего, сама реальность семейной жизни многократно подверглась феномену симулякризации. Несмотря на то, что в ходе первоначальной съемки члены семьи вели себя, словно отвлекаясь от наличия телеглаза, реальные события в значительной степени оторвались от внешнего подобия. Не будь камеры и телевизионной слежки, возможно, родители так и не узнали бы о гомосексуальной перверсии сына. Программно заявляя о документальности событий, серия подверглась воздействию самого замысла. Наконец, после демонстрации живой пленки, создатели серии решили пригласить актёров на все роли. По замыслу создателей серии замена реальных людей актёрской игрой делает подлинность ещё более выигрышной. Актёры старались играть тех людей, которые участвовали в серии. Они подражали походке членов семьи, их манере говорить и вести себя. Так, изначальная реальность оторвалась от житейской правды и превратилась в особую игру, которая лишала подлинность её адекватности. Но самое парадоксальное заключено в том, что семейные события, превращённые в актёрский вымысел, оценивались всеми – членами семьи и актёрами как создание документа.

Когда этнолог приходит в какое-нибудь архаическое племя, он оказывается перед выбором. Во-первых, он старается дать подлинную картину того, что увидено им собственными глазами. Но где гарантия, что эксперт не искажает подлинную реальность, привнося в своё исследование собственные стереотипы, предрассудки своей культу-

ры, аранжируя факты под собственное понимание истинных событий. В результате возможна дистанция между культурой этнолога и архаическим племенем. Рождается опасная схема – «мы» и «они». Чужую культуру окутывают дымкой личности, таинственности, возможно даже не понятной культуре этнолога. Но есть и другой вариант. Этнолог стремится слиться с посторонней культурой, пытается освободиться от установок той культуры, которую он представляет. Именно так поступил Карлос Кастанеда. Однако в какой мере ему удалось выразить нерв и глубину культуры, которую он описывает? Теперь мы получаем вроде бы объективное, честное воспроизведение чужих смыслов. Но так ли это на самом деле?

Действительные исторические факты под влиянием множества факторов обретают такую оболочку, что становятся своими противоположностями. Американские пришельцы на индейские земли старались истребить местные племена. Однако они доказывают обратное: во многих исследованиях проводится мысль о том, что европейцы так много сделали для индейцев, что можно и не испытывать чувство нравственного или психологического дискомфорта. Теперь они доказывают, что никакой убыли индейского населения не было, что сейчас их стало даже больше, чем было до того, как европейцы «понаехали». При этом в изнанке этих рассуждений кроется беспощадная мысль, демонстративное, показное перепроизводство индейцев на деле призвано устранить индейскую культуру. Численность коренного населения теперь явно не в пользу архаического бытия. Официальные документы таким образом выносят за скобки очевидную закономерность. Любая племенная культура предполагает безоговорочное ограничение собственной группы. Но это как раз закон «чужой» культуры и он подменяется логикой завоевателя.

В той мере, в какой невозможно репрезентировать абсолютный уровень реального, невозможно также инсценировать иллюзию. Раз нет действительности, то нет и выдумки.

В прошлые времена историки, сценаристы, политики старались снять покров выдумки с подлинных событий. Иллюзия должна быть разоблачена. Теперь же невозможно оконтурить процесс реального, нет шанса отделить также и процесс симуляции. В истории с американской семьёй трудно выстроить причинно-следственные связи. Мать гомосексуалиста стала оправдывать сына, потому что это её тщательно продуманная позиция или результат близкого знакомства с продюсером, который, как выяснилось, имел ту же сексуальную перверсию.

Ж. Бодрийяр пишет: «Отсюда характерная для нашего времени истерия производства и воспроизводства реального. Прочее производств – ценностей и товаров, производство классической эпохи политэкономии, – уже давно лишено собственного смысла. Всё, к чему стремится, продолжая производить и

воспроизводить, – целое общество – это восстановление ускользающего от него реального» [2, с. 36].

Семейная история Лаудов неожиданно оказалась не документом, а антидокументом, не воспроизведением реальности, а её имитацией, не подложным реализмом, а искусной игрой.

Список литературы:

1. Гуревич П.С. Буржуазная пропаганда в поисках теоретического обоснования. М.: Политиздат, 1978. 159 с. С. 160.
2. Бодрийяр Жан. Симулякры и симуляции. М.: Изд. дом «Постум», 2015. 240 с. С. 6–7, 36, 43.
3. Огурцов А.П. Симулякр // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3 / Рук. проекта В.С. Стёпин, Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 2010. С. 543.
4. Муратов С.А. Пристрастная камера. М.: Искусство, 1976. 151 с.
5. Чеснов Я.В. Народная культура. Философско-антропологический подход. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014. 496 с.

References (transliterated):

1. Gurevich P.S. Burzhuaznaya propaganda v poiskakh teoreticheskogo obosnovaniya. M.: Politizdat, 1978. 159 s. S. 160.
2. Bodriiyar Zhan. Simulyakry i simulyatsii. M.: Izd. dom «Postum», 2015. 240 s. S. 6–7, 36, 43.
3. Ogurtsov A.P. Simulyakr // Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t. T. 3 / Rukov. proekta V.S. Stepin, G.Yu. Semigin. M.: Mysl', 2010. S. 543.
4. Muratov S.A. Pristrastnaya kamera. M.: Iskuststvo, 1976. 151 s.
5. Chesnov Ya.V. Narodnaya kul'tura. Filosofsko-antropologicheskii podkhod. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya», 2014. 496 s.